

Н.И.Бондарь

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО (ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

1. Предварительные замечания

Пик околонаучных дискуссий о казачестве, в том числе о кубанском, по всей видимости, пройден. И хотя в ряде случаев дискуссии на эту тему все еще носят эмоционально-политическую окраску [1], в целом наблюдается тенденция возврата в научное русло: к фактологии, системе доказательств, дополнительным исследованиям.

Необходимость последних очевидна. Научная мысль оказывалась не готовой объективно ответить на ряд ключевых вопросов: генезис казачества и его ранняя история, этносоциальная и этнокультурная эволюция и специфика и т.д. Поэтому данная тема, в силу ее практической и теоретической значимости, сохранит свою актуальность и в будущем.

Конференции и публикации последних лет, связанные с казачьей тематикой, выявили еще один серьезный недостаток. Речь идет о корректности использования уже устоявшихся терминов и понятий и терминотворчестве. Эта проблема уже неоднократно поднималась на научных конференциях и страницах специальных изданий [2]. Некоторые из таких терминов, по причине их прямого отношения к этносоциальной сущности и таксономическому положению казачества, заслуживают

особого внимания. Прежде всего, это номинация "субэтнос" "субэтносы", все чаще используемая для обозначения казачества [3]. В данное понятие различные авторы вкладывают не одинаковый смысл. В.П.Трут под субэтносом имеет в виду народ, то есть ставит знак равенства между субэтносом и этносом [4]. Между тем в этнографии, как известно, термин "этнос" используется как номинация очень высокого уровня обобщения, как родово-видовое понятие - подобно тому, как существуют термины обобщающего характера для множества других однопорядковых явлений и объектов: птицы, звери, деревья и пр., то есть они не только не тождественны в таксономическом плане, но и в целом выполняют различные задачи. Термин "этнос" используется прежде всего для отграничения этносоциальных общностей от прочих объединений (социальных, политических, биологических и т.п.). А понятие "субэтнос" введено в научный оборот для обозначения конкретного типа этносоциальной общности.

Другие авторы без какой-либо аргументации сближают понятия "субэтнос", "историко-культурная общность" и "локальная культурно-территориальная группа", считая их, по сути дела, равнозначными [5]. Этими понятиями также весьма активно пользуются в этнографических исследованиях. Однако в силу своей повышенной диффузности, недостаточной конкретности они чаще всего и в отечественной, и в зарубежной историографии используются при общей характеристике или при недостаточной изученности этносоциальных и этнических образований той или иной территории, внутренних подразделений этноса.

Особенно это относится к термину "историко-культурная общность", к которой могут быть отнесены этнические общности самого различного уровня, от конкретного народа до совокупности этносов. Причем сюда могут включаться как родственные (славяне вообще, германоязычные народы, например), так и не родственные этносы, обитающие в пределах одной историко-культурной области, провинции (народы Кавказа, Балкан т.п.).

Примерно такая же ситуация и с "локальной культурно-территориальной группой", под которой можно понимать и этническую и этнографическую, и профессиональную группы; и любую другую часть конкретного этноса, обладающую более или менее существенными особенностями культурно-бытового, религиозного характера. Однако ни для одного из этих конкретных проявлений локальной культурно-территориальной группы не присущ такой важный субэтнический признак, как самосознание.

Используются и другие термины, требующие солидной аргументации, подтвердившей бы их жизнеспособность: "сословно-территориальная общность" [6], "социально-профессиональная общность" (войсковое казачество) [7].

Прослеживается также другая тенденция. Суть ее в распространении некоторых понятий, отражающих состояние казачества лишь на ограниченном отрезке развития, на всю историю казачества. Например, в солидном издании "Народы России" казачества обозначены как этносоставные группы [8], что с соответствующими оговорками применимо лишь к XIX началу XX в.

Подобные терминологические неточности и разнотечения - следствие чрезвычайно слабой, как отмечалось выше, изученности казачества. Поэтому сегодня необходимо сделать "шаг назад", снова проанализировать весь корпус старых источников, ввести в оборот новые материалы и приступить к изучению отдельных казачеств по единой программе. Данный подход позволит выявить общее и особенное в формировании и развитии казачества, составит базу для аргументированного определения системного положения казачества и казачества в целом в этносоциальном и этнополитическом пространстве славянского мира.

Весьма удобным в этом отношении объектом для исследования является кубанское казачество. Время его формирования приходится на конец XVIII и большую часть XIX в. - период, когда в ходе длительного соперничества с Ираном и Турцией в состав России были включены новые обширные территории. Их освоение (прежде всего Северного Кавказа) стимулировало сложные процессы, одними из результатов которых стало возникновение новой этносоциальной общности - кубанского казачества. Односторонний, а часто тенденциозный подход, когда казачество рассматривается как чисто социальный феномен, чаще всего - сословие [9], также как искусственно расчленение этнического и социального начал казачества и придание им статуса самостоятельных явлений [10] не способствуют объективному и полному анализу "сущности казачества", его дальнейших перспектив.

Именно комплексный подход к казачеству как к этносоциальному явлению исторически и методологически

оправдан. Он и взят за основу при подготовке данной статьи.

2. Этнический аспект

Кубанское казачество - полизтично в своей основе. В него вливался не только славянский компонент - преобладающий (русские, украинцы, черногорцы, сербы и др.), но и незначительное количество представителей других народов (адыги, греки, цыгане и др.) [11]. С точки зрения этнографии, это явление универсальное, сопровождающее формирование любой более или менее крупной этнической общности. Так складывались почти все современные народы Европы: англичане, русские, французы [12]. Особенно наглядно эта закономерность прослеживается в XVIII-XIX вв., в условиях парциации, когда от основного ядра этноса отделялись значительные группы, покидавшие этническую территорию в целях освоения новых земель. Как правило, это заканчивалось, образованием нового этноса: англоамериканцы, ряд латиноамериканских этносов, австралийцы (англоавстралийцы) и др. Причем нередко на первом этапе подобные перемещения были следствием продуманной политики государства или же представляли собой реакцию части населения на эту политику.

Сходная ситуация складывалась в конце XVIII-XIX вв. на Северном Кавказе: периферийное положение, удаленность территорий от центра, необходимость экономического освоения и военной защиты этих земель, механическое перемещение значительных масс населения...

Еще одна закономерность, которая подтверждается

истории возникновения кубанского казачества, - наличие основного этнического ядра, выступающего в качестве этнообъединяющего и этноопределяющего начала.

На Кубани в качестве исходных этноопределяющих начал выступили два компонента - русский и украинский. Причем и тот, и другой представляли собой необычную организационную форму - казачьи войска¹. Процесс возникновения и раннего развития этих двух этнических слагаемых кубанского казачества имел достаточно много общего, но вместе с тем и свои характерные (порой весьма существенные) особенности. Поэтому целесообразно проанализировать их раннюю историю раздельно, тем более что и на Кубани примерно до середины XIX в. (1860 г.) Черноморское и Кавказское линейное казачье войска сосуществовали как самостоятельные единицы.

Формирование украинской этнографической группы: Черноморское казачье войско

В 1792-1794 гг. на Кубань по жалованной грамоте Екатерины II переселяется часть бывших запорожцев - Черноморское казачье войско. Численность войска оказалась недостаточной для охраны пограничных рубежей и экономического освоения территории. Неблагоприятным было и соотношение полов. В 1801 г. в Черномории числилось 23 474 души мужского пола и всего лишь 9 135 - женского [13]. Проблема народонаселения в основном была решена с помощью организованных переселений, проведенных в 1809-1812, 1820-1825,

¹ Отечено, что казачьи войска - это не армейская структура, а сложный социально-экономический, политический и этнокультурных организмы.

Следует учитывать также и пополнение войска за счет беглых. Точную цифру их установить сложно, но о том, что поток беглых достигал значительных масштабов, свидетельствует факт учреждения разыскных команд и неоднократные предписания войсковой администрации о высылке за пределы войска беглых крестьян. Однако давние казачьи традиции - не выдавать беглых, а также заинтересованность казачьей администрации в народонаселении, приводили к тому, что эти предписания зачастую не выполнялись [15].

В целом к середине XIX в. благодаря переселенческой политике, притоку беглых, а также мерам административного характера данную проблему удалось решить.

Особого внимания заслуживают меры самого войска. Речь идет о запрете выдавать вдов и девиц замуж "за границу", то есть за пределы территории Черноморского войска, и о запрещении жителям Кавказской губернии вступать в брак с женщинами Черноморского войска [16]. Эти ограничения были введены в 1822 г., а окончательно сняты в 1856 г. [17].

"Демографическими" заботами объясняется и введение в войске института повивальных бабок, которые должны были не только оказывать медицинскую помощь, но и, кроме того, составлять атаману "допускения" о новорожденных [18]. О серьезном отношении к этим вопросам свидетельствует факт назначения бабкам от войска пенсии "за выслугу лет" [19].

Некоторые инициативы войска по увеличению народонаселения носили курьезный характер и себя не оправдали, как, например, организация массовой женитьбы по приказу войскового атамана, с выдачей вступающим в брак